

Центральной частью новгородского герба, утвержденного в 1781 г., были «золотые кресла» с положенным на них скипетром и крестом. В более раннем материале XVIII в. «кресла» именовались определеннее – престолом¹. Появилось же это сиденье в новгородской символике много раньше.

О «месте» и посохе новгородской эмблемы историки высказывались не раз. Однако до недавнего времени это были лишь краткие суждения.

Первым о названных фигурах написал В.Н. Татищев, утверждавший, что у Новгорода было несколько гербов, позднейший из которых представлял «архиепископ престол и на нем книга, под престолом две рыбы»². В «Русской геральдике» А.Б. Лакиера о новгородской эмблеме сказано одно и то же в главах, посвященных печатям и гербам городов. Лакиер писал, что на оттисках воеводской печати XVI в. изображены «вечевые ступени» и посох архиепископа, которые являются «выразительными эмблемами власти светской и духовной в неразделенном соединении», и предположил более раннее, чем XVI столетие, создание матрицы. «Впоследствии времени, – полагал Лакиер, – были прибавлены фигуры медведя и собаки, известные по Большой государственной печати Ивана Грозного»³. Ссылаясь на Лакиера, о «вечевых ступенях» посадника и других новгородских «магистратов» упоминал И.Д. Булычев. Булычев датировал печать неопределенно. Он утверждал, что в XV в. на новгородских печатях изображалось четвероногое чудовище, возможно лев, а «позднее» – «ступени»⁴.

О вечевых ступенях и посохе «владыки» («епископа», «архиепископа») писали М.В. Толстой, Б.В. Кене, П.П. Винклер и М.Г. Курдюмов⁵. Толстой отнес печать к XV в., Кене ее не датировал, Курдюмов назвал лишь дату печати на конкретном документе – 1593 г. В тексте Винклера стоит XVI в., а в подписи к изображению – XIV в. «Вечевые ступени» и «епископский жезл» Винклер толковал в духе Лакиера как «эмблемы нераздельной светской и духовной власти». По мнению П.Л. Гусева, на печати изображены вечевая ступень и «посох-костыль», надо думать, степенного посадника» XV в.⁶

«Светскую» линию Гусева продолжил А.В. Арциховский, считавший «вечевую ступень» («трибуну веча») и посадничий жезл гербом Новгорода⁷. Н.П. Лихачев в работе 1935 г., опубликованной в 1960 г., писал о знаке того, что «могущество веча, богатства края – все это подвластно только наместникам». Он отнес печать к XVI в., но из текста неясно, имел ли он в виду оттиск или матрицу⁸.

Названные историки составляли свое представление о новгородской эмблеме на основании оттисков печати с изображением «места посоха и рыб, а реже – и с изображением стражей «ступени».

В работе, опубликованной в 1940 г., Н.Г. Порфиридов первым среди исследователей новгородской печати сослался на летописное известие о царском повелении 1 сентября 1565 г. вырезать новую печать для новгородского наместника с изображением «места», посоха, медведя, «рыси» и рыбы⁹. Порфиридов пришел к выводу: «Печать учреждена Иваном IV в 1565 г. и с вечевым строем Новгорода не связана»¹⁰. На толкование Порфиридова Арциховский, считавший «место» с посохом эмблемой республиканского Новгорода, возразил так: «В 1565 г. могли сохранить привычный геральдический рисунок для новой печати, но если бы такого рисунка не было, никто в эти годы не решился бы сделать вечевую ступень эмблемой Новгорода»¹¹. Арциховский почему-то не принимал во внимание, что «решиться» на это в принципе мог царь.

В 1969 г. Порфиридов опубликовал специальную работу о печати со ступенью, в которой доказывал, что «место» и посох были знаками власти не Новгородской республики, а Русского государства, появившимся в XVI в. и изображавшимися на печати новгородских «наместников-воевод»¹². По его мнению «простая» печать (без зверей) появилась в конце XVI в.

Порфиридов решил ту часть проблемы новгородской эмблемы, которая относится к значению «места» и посоха. Он обратил внимание на то, чего не замечали другие историки – на

нелогичность употребления знаков независимого Новгорода в период создания централизованного государства и завершения ликвидации уделов¹³. Прежде лишь Арциховский в статье 1946 г. приближался к такому пониманию, но выход нашел в ссылке на «привычку» (примеч. 11). Возможность отказа от «привычки» в случае надобности в расчет принята не была.

Порфиридов, однако, не поставил вопрос о том, какой была «старая», то есть до 1 сентября 1565 г., печать наместника. Имелись ли какие-либо из упоминавшихся фигур на «старой» печати? Если степень и посох были на «старой» печати, то датировка их появления Порфиридовым неверна, а если их не было, следует признать ее правильной. При этом следует учитывать существование большой и малой печатей. Дата, указанная в летописи, относится к большой печати. То, что малая печать известна по документам не ранее конца XVI в., может быть объяснено сохранностью материала и не обязательно говорит о ее создании именно в конце XVI в. «Старая» печать до сих пор не выявлена и летописные сведения о ней неизвестны. Сама «новая», то есть большая печать известна только по изображению на Большой государственной печати Ивана Грозного, ранний оттиск которой относится к 1583 г.

В 1983 г. Дж. Линд опубликовал статью о новгородском элементе Большой печати Ивана IV в связи с обстоятельствами Ливонской войны. В 1985 и 1995 г. его работа вышла в английском и русском вариантах¹⁴. Линд привел данные о печати новгородского наместника на грамоте с русско-шведским договором о перемирии августа 1561 г. Историк сообщил, что ныне печать хранится отдельно от документа, в статье 1983 г. указал ее архивный шифр, но не объяснил, как установлено отношение печати именно к названному документу. В примечании к публикации акта 1561 г. сказано только, что печать новгородского наместника была на красном шелковом шнуре¹⁵.

Статью 1983 г. иллюстрирует фотография печати, на которой не очень искусно изображены крупный присевший и выгнувший спину зверь и перед ним – зверь маленький, занимающий вертикальное положение. Линд, не отмечая разницу в величине и позе животных, пишет, что зверь справа (малый) «вполне может быть рысью с более поздней печати», а другой зверь – «скорее лев, очень похожий на львов» с новгородских печатей XV в.¹⁶ Для сравнения он привел прорись новгородской печати, опубликованной В.Л. Яниным под номером 741¹⁷. На печати XV в. зверь имеет гриву и хвост со стилизованной кисточкой, тогда как на печати 1561 г. крупный зверь названных признаков льва не имеет. Это барс, часто встречающийся в древнерусском искусстве, но не вполне похожий на его природный прототип. Меньший зверь на снимке Линда вовсе не похож на какого-либо известного зверя. Правда, на фотографии он не очень четко читается. Индентировать это существо я не смог. Линд же, по-моему, как это нередко бывает в гербоведении, подогнал образ крупного зверя под одну из новгородских фрагментических эмблем XV в., усматривая преемственность между символикой XV и XVI вв., а малого зверя отождествил с «рысью», помещенной на печать наместника согласно повелению 1 сентября 1565 г. Линд понял летописную «рысь» как рысь. В действительности слово «рысь» есть старинное именование барса¹⁸. Малый зверь печати 1561 г. на барса или рысь не похож. Кстати, позы и величина зверей наводят на мысль о взрослом звере с детенышем.

Изучив по публикации печать 1561 г., я делаю следующие выводы: 1) поскольку на «старой» печати степени и посоха нет, то Порфиридов был прав, отнес их появление к 1565 г.; 2) печать 1565 г. преемственна к образам «старой» печати в том смысле, что в качестве одной из фигур восприняла барса. На «старой» печати барс (крупный зверь) является главной фигурой. На «новой» печати барс есть страж главной фигуры – «степени».

Оттиск 1561 г. относится к последним годам существования «старой» печати. Возникает вопрос о времени ее создания. Очевидно, что наместники, назначавшиеся в Новгород после его присоединения к Московскому государству, должны были иметь печать. Сфрагистические и письменные источники для датировки заведения «старой» печати неизвестны. Некоторые возможности для этого дает картографический материал.

На морской карте Мартина Вальдзеемюллера 1516 г. пространство Новгородской земли, хотя, может быть и всей «Белой России», отмечено гербом в виде щита с противостоящими львов и змием¹⁹. На карте Европы Генриха Целя 1535 г. герб с противостоящими львами определенно обозначает «княжество Новгородское»²⁰. Неизвестно на основании каких источников были сочинены упомянутые геральдическо-картографические знаки. Невозможно сказать, самостоятельно ли Цель составил новгородский герб или лишь несколько изменил знак карты Вальдзеемюллера. Русским эмблематическим реалиям не отвечают оба герба. Надо иметь в виду, что западноевропейцы с легкостью составляли гербы тем странам и областям, о которых они мало знали. При этом эмблемам придавались формы, привычные для западноевропейцев. Фантастические гербы были одним из изобразительных средств выражения представлений о географических объектах и людях²¹. Фантастические гербы и флажки могли быть полностью вымышленными или основывались на сведениях о действительных эмблемах, подаваемых, однако, в искаженном виде. Не исключено, что гербы Вальдзеемюллера и Целя отражают смутные знания о печати новгородского наместника. Сходство картографических знаков с эмблемой на «старой» печати обнаруживается в парности фигур. Не имеет значения разница между животными на картах и на печати. Нет ничего необычного в переделке барса в более привычного для западноевропейской геральдики восстающего льва. Если признать что гербы на картах являются неточным воспроизведением новгородской эмблемы, то появление печати с соответствующей эмблемой следует отнести ко времени не позднее 1516 г.

Из сказанного выше следует, что после 1 сентября 1565 г. существовали две редакции новгородской сфрагистической эмблемы, различавшиеся наличием или отсутствием стражей «места». Можно условно говорить о большой и малой эмблемах. Скорее всего, политические обстоятельства поторапливали правительство с изготовлением печати с большой эмблемой. Матрица могла быть изготовлена уже в 1565 г. О малой эмблеме можно сказать только то, что она существовала по крайней мере в 1593 г.

Следует обратить внимание на разное количество рыб, показанное источниками. Летопись говорит об одной рыбе, на печати новгородского наместника, включенной в Большую печать Ивана Грозного, их две, а на печати без зверей – три²². Возможно, летопись неточна; возможно, вторая рыба была добавлена позднее.

Между редакциями эмблемы есть функциональное различие, обусловленное функциональными различиями между двумя вариантами печати. Согласно летописи, наместничья печать должна была скреплять грамоты о перемириях, «порубежных и о всяких делех ко свейскому королю», то есть находиться при внешнеполитических актах. Судя по оттиску 1561 г., «старая» печать тоже имела внешнеполитическую функцию. Печати, предназначенные для документов, связанных с отношениями с одним государством, едва ли часто использовались. Редкостью использования, скорее всего, и объясняется неизвестность оттисков наместничьей печати образца 1565 г. Воеводская печать известна по документам по внутренним делам.

Наместничья печать несет многофигурную, торжественную эмблему. Печать по внутренним делам украшена эмблемой попроще. Стражи «места» аналогичны щитодержателям в иностранных гербах, служившим для увеличения торжественности знака. «Старая» печать была на шнуре (см. примеч. 15). Вероятно, и «новая» печать прикреплялась к документу подобно. Печать же по внутренним делам оттискивалась на листе документа.

Барс на «старой» печати относится к сильным зверям. Он заменил льва печатей независимого Новгорода XV в. Поскольку другое животное на «старой» печати не установлено, то говорить о смысле композиции нельзя. Содержание же печатей, созданных после 1 сентября 1565 г., представляется следующим образом. «Место» и посох как символы царской власти, подчеркивают эту власть над Новгородской землей. Сильные звери – медведь и барс, стоящие на страже «места», усиливают значение центральных фигур. Кстати, посох имеет очень острый конец, особенно хорошо различимый на оттисках Большой печати Ивана IV, хранящихся в РГАДА. Посохом с таким концом можно было убить человека. Учитывая общую реалистичность изображений на Большой печати, следует полагать, что посох есть конкретный предмет, принадлежавший царю. П. Гусев принял фигуру барса за

собаку и истолковал ее как эмблему опричнины, не объяснив, с какой стати этот символ включен в композицию на печати (см. выше).

Символы царской власти показывали ее твердое положение в Новгородской земле. Демонстрация власти на территории, находившейся близ театра военных действий, была важным политическим шагом. Рыбы показывали богатство новгородской ихтиофауны, имевшей экономическое значение. Рыбы отмечали специфику края в отличие от более общих символов власти. Третья рыба на воеводской печати по внутренним делам несколько усиливала местную специфику.

В XVI в. сфрагистическая эмблема Новгорода, сменившая символику XV столетия, прошла по крайней мере две стадии развития: от изображения на «старой» печати, время создания которой твердо не установлено, до двух вариантов, датируемых относительно точно. Это был путь от содержания простого к более сложному.

Якорь: #grim

1. Лакиер А. Русская геральдика. СПб., 1855. С. 291 (Приложение).
2. Татищев В.Н. История российская в семи томах. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 352.
3. Лакиер А. Указ. соч. С. 156, 283.
4. Boulitchoff J. Essai sur l'art du blazon. Saint-Petersbourg, 1855. P. 27.
5. Koehne B. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. Berlin, 1861, P. 12; Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. Прилож. С. 16; Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год / Сост. П.П. фон Винклер. СПб., [б.д.] С. II (рис. 3), III; Курдюмов М.Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // ЛЗАК за 1906 год. СПб., 1908. Вып. 19. С. 9.
6. Гусев П. Символы власти в Великом Новгороде // Вестник археологии и истории. СПб., 1911. Вып. 21. С. 121-122.
7. Арциховский А.В. К истории Новгорода // ИЗ. М., 1938. Вып. 2. С. 130; Он же. Введение в археологию. М., 1940. С. 156; Он же. Древнерусские областные гербы // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 93. С. 51-52.
8. Лихачев Н.П. Печати Пскова // СА. М., 1960. № 3. С. 231.
9. Порфиридов пользовался публикацией летописи в «Русской исторической библиотеке». См.: ПСРЛ. М., 1963. Т. 13. С. 398; 1965. Т. 29. С. 347.
10. Порфиридов Н.Г. Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгород, 1940. Вып. 8. С. 34.
11. Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы. С. 52.
12. Порфиридов Н.Г. Новгородская «вечевая» печать. С. 198.
13. Там же. С. 194.
14. Lind J. «Ryessesablen», «Finlands bjrn», Novgorods lve samt nogle fisk: En strid p vben // Historisk Tidskrift fr Finland. Helsingfors, 1983. H. 4. S. 373-393; Idem Ivan IV's great state seal and his use of some heraldic symbols during the Livonian war // Jahrbcher fr Geschichte Osteuropas. Mnchen, 1985. Bd. 33. S. 481-494; Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические

- символы времен Ливонской войны // Архив русской истории. М., 1995. Вып. 5. С. 201-226.
15. Sverges traktater med frammande magter: Jemte andre dit horande handlinger / Utg. av O.S. Rydberg. Stockholm; Leipzig; Paris, 1888. 4. dl. S. 355.
 16. Линд Дж. Указ. соч. С. 212; Lind J. «Ryssesablen». S. 389-390.
 17. Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. М., 1970. Т. 2.
 18. См.: Королев Г.И. Новгородская «рысь» и псковский барс // Гербовед. 2001. № 51 (в печати).
 19. Материалы по истории русской картографии. Серия 2-я. Киев, 1906. Вып. 1. Таб. I.
 20. Buczek K. The history of Polish cartography from the 15th to the 18th century. Wrocaw etc., 1966. Fig. 9.
 21. См.: Королев Г.И. Фантастические гербы в западно-европейской геральдике XVI в. // Гербовед. 1996. № 4 (12). С. 129-135.
 22. См.: Королев Г.И. Рыбы в новгородском гербе // Гербовед. 1997. № 6 (18).